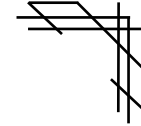

Часть VIII

Киев в 1941-1945 годах

Гитлер сам нарушил слово –
на июнь двадцать второго,
с птичьим пробуждением
перед утренним рассветом,
навязал войну Советам
без предупреждения.

От воскресной сонной скуки
Киев разбудили звуки
воздуха тревожные.
Стекла в окнах дрожью били:
“Хейнкели” узлы бомбили
железнодорожные.

Герингу с люфтваффе просто
обеспечил превосходство
с облаков губительный
смерч воздушного погрома
полевых аэродромов
наших истребителей.

Флот небес, воспетый маршем,
в горькую сварили кашу
“Юнкеры” и “Фоккеры”.
В блиндажах нашли защиту
от заядлых “Мессершмиттов”
сталинские оперы.

Пулеметные заслоны
до последнего патрона
били нарушителей.
Пограничные наряды
подчистую были смяты
вихрем разрушительным.

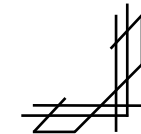
Храбрые красноармейцы
против танков европейцев,
“Шмайсеров” нордических
с трехлинейкой и “Максимом”
воевать были не в силах –
гибли героически.

Полк, без фланговой стыковки,
пониманья обстановки,
связи и снабжения,
то в атаку поднимался,
то в свои тылы спасался
в страхе окружения.

В образованные бреши
немец, страшный даже пеший,
с танками – ужаснейший,
вламывался острым клином,
сокрушительным блицкригом,
для Москвы опаснейшим.

Фронт, как сыр голландский в дырках,
в хаотических обрывках,
на Восток нацеливал.
Тем, кто не успел прорваться,
приходилось в плен сдаваться
армиями целыми.

За день отступали раком
километров двадцать с гаком
те, кому положено
“на замке” держать границу.
Совинформбюро о блище
массы не тревожило.

Дети, женщины и деды
твердо верили в победу
ГэКаОшной тактики.

А под Киевом траншеи
рыли немцам в устрашение
и для профилактики.

Комиссары тыловые
все проблемы бытовые
непризывных жителей
сузили в политбеседы
“Все для фронта, для победы!”
громкоговорителей.

Деньги, чай, табак, конфеты,
облигации, кисеты
в вышивках игривеньких,
драгоценности, медали
многие от сердца сдали
для бойцов родименьких.

Мужу, брату ли, сыночку
каждый день несли на почту
письмецо заветное.
Только мало кто из близких
получал по переписке
весточку ответную...

Не в подъем для почтальонов
судьбы русских миллионов,
что на немцев хлынули
и вдруг без вести пропали,
потому что в плен попали
или в землю сгнули.

Немец, с щедростью веселой,
часто распускал по селам
пахарей и скотников,
расстреляв в глухих траншеях
командиров, иудеев
и политработников.

Только Рейха воротили
вскоре жестко запретили
гуманизма манию
и погнали в скотстве крайнем
сотни тысяч “русиш швайне”,
как рабов, в Германию.

Из Кремля Генсек надменный
зачислял военнопленных
в череду предателей.
Под Москвой сжимал пружину,
оставляя Украину
на завоевателей.

К сентябрю скобой манжета
группа армий фон Рундштедта
в южном назначении
ниже Киева и выше
с мелкими боями вышла
на Днепра течение.

Не возникла для запроса
у комфронта Кирпоноса
мысль об отступлении –
знал, что голову бы скинул,
если б сдал советский Киев
немцам на съедение.

По лимитной разрядке
в установленном порядке
населенья фракцию,
годную к обточке стали,
со станками отослали
в тыл, в эвакуацию.

Контингенты малоценных
киевлян мостили в центре
крепости песочные.
Молодежь из комсомола
яростно штыком колола
груши чучелочные.

Против танков и пехоты
подготовили “в охоту”
добровольцев пламенных.
Чтоб осколки не задели,
вырыли окопы, щели
для живых и раненых.

Вермахт планом хитроумным
не намеревался штурмом
город завоевывать,
предпочтя под неба стоны
три редута обороны
минами оплевывать.

В это время танки Клейста
за Днепром на юге с места
повернули северней.
Им навстречу двинул рьяно
танков клин Гудериана,
славою усеянный.

В ГэКаО простые вещи –
армии охвата клещи –
попросту профукали.
Услыхал товарищ Сталин
“Киев надо бы оставить...”
от начштаба Жукова.

Из Святошино, Подгорцев,
Голосеево, Петровцев,
Бучи, с огорчением,
через Днепр, родные хаты,
на Восток ушли солдаты
вместе с ополчением.

К ним судьба была не мила:
кому плен, кому могила –
клещи сжались прочные.
Кирпонос и штаб, спасаясь
в отступлении, нарвались
на снаряды точные.

Пару дней совсем без власти
ждали черного ненастья
городские жители.
То, что нажили всем миром,
растаскали по квартирам
мелкие грабители.

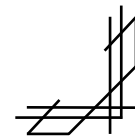
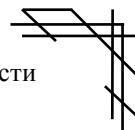
Утром в страхе забродили:
в Киев гордо заходили
крупные захватчики –
в черной и зеленой форме,
в крагах, с касками на горле –
стрелки, автоматчики...

На глазающих собрание –
ни малейшего вниманья,
как на урны грязные.
Лишь на “гутен морген” круто
огрызались “зером гутом” –
строгие и властные.

У базара *галичане*
рушниками их встречали,
строясь в церемонию,
с жаждой получить от фрицев
для украинских провинций
полуавтономию.

Немцы пожеланью вняли –
в полицаи их наняли
за рейхсмарки сальные,
представителей культуры
приняли в комендатуру
в должности фискальные.

Немец знал: “Нах Остен!” близок.
И немало блюдолизов
украинской нации
за него промывку тыла
выполняло лучше мыла
в службах оккупации.

Ознакомив население
с новой формой управления,
немцы подзаправились
тем, что взяли, где хотели,
и в уютные отели
отдохнуть направились.

Лучшие “Пале Рояли”
вдоль Крещатика стояли
стройными партнерами,
по фундаментам секретно
нашпигованные чем-то
нашими минерами.

Взрывы и пожара блицы
охватили центр столицы.
Киева подпольщики,
как в Москве Наполеону,
партизанскому террору
сделались забойщики.

Может, немцев и немало
от пожаров пострадало.
Но на десять лет за то
улицу, что все любили,
в горы щебня превратили
мстители инкогнито.

Хорошо, что в Ленинграде,
оказавшемся в блокаде,
указанья Сталина
до подрывов не дозрели
и в России не узрели
Невского развалины.

Много дней Крещатик старый
догорал в огне пожара
вместе с бывшей Думою,
Прорезной, “Континенталем”...
А безвинных ожидали
времена угрюмые.

Если партизан от лапы
цепкой ускользал гестапо,
акцией безбожников
за его геройство “в прятках”
полагалось три десятка
расстрелять заложников.

Немцы мелочить не стали:
подрасстрельно приказали,
скопом и за все грехи,
чтобы местные евреи
семьями и поскорее
собирали бебехи!

“А зачем? В какие дали?
Зохн вей! Хотя б сказали
что-то вразумительно...
Для немецкого педантства –
этакое дилетантство...
Просто удивительно!”

Обсудив свои тревоги
с мудрецами синагоги,
с нервами не справились
но, как приказали гои,
разношерстною гурьбою
на Сырец отправились.

В оцепленьи из злодеев
тысяч тридцать пять евреев,
в общем наваждении,
потянулись пешей пыткой,
как их предки из Египта,
на “переселение”.

Женщины и инвалиды,
старцы, подоткнув хламиды,
с ребятней, старушками,
на плечах, в руках, в колясках
барахло тащили в связках
с детскими игрушками.

За Лукьяновским кладбищем
подконвойное толпище,
сбавив темп движения,
полицай с бранью грубой
разбивали на подгруппы...
для уничтожения!

В шоке, в страхе, без одежды,
без спасительной надежды
смертников измученных
очередью пьяной банды
пулемет зондеркоманды
скапливал под кручею.

Месиво живых и мертвых
тел, в овраге распростертых,
“Шмайсер” прошуровывал
и, без перерывов частых,
новой партией несчастных
доукомплектовывал...

Место акции не даром
называлось Бабьим Яром:
женщины с младенцами
там погибли без причины.
В это время их мужчины
воевали с немцами.

Сорок лет спустя близ Яра
бронзой мемориала
вспомнили трагедию.
Здесь доярки и кронштадтцы
грудью на врага стремятся
в ложной интермедии.

А над жертвами террора
скорбная стоит “Менора”.
К сентября склонению
в Бабьем Яре ноют кости
памятью о Холокосте –
немцев преступлении.

Прахом не одних евреев
подземельным мавзолеом
Яр закомпостирован –
пепел русских, украинцев,
моряков и пехотинцев
там же “сконцентрирован”.

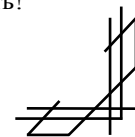
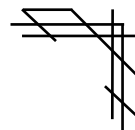
Кто с немецкой точки зренья
попадал под подозренье
духа просоветского,
мстил за зверства и обиды,
гибнул в пекле геноцида
лагеря Сырецкого.

Каждый день два-три десятка
нарушителей порядка
отводились к пропасти,
не читавших ранним утром
в “*Українськiм словi*” мутном
городские новости.

В этом “*Словi*” коменданта
генерала Эбергарда
были указания,
как украинцам лояльно
избежать, хотя б формально,
смертью наказания.

“Регистрации поддаться!”
“На квартирах оставаться
по ночам безвыходно!”
“На Рейхсбанк работать в раже,
без намека к саботажу!”
(даже и безвыгодно).

“Сдать, не отложив ни часа,
ружья и боеприпасы!”
(ратное наследие).
“Голубей всех уничтожить!”
“Полицаяев потревожить
о еврее сведеньем!”...

Большинство аборигенов
содержало в своих генах
те указы ценные.

Их отдельные детали,
в сущности, напоминали
наши довоенные.

И никто не удивился,
когда в небе разразился,
точно божьей карою,
атеизменным синдромом
ураган огня и грома
над Печерской лаврою.

Безымянные саперы
с силуэта лавры стерли
главную жемчужину:
нерв ее, собор Успенский,
православья гимн вселенский,
взрывом отутюжили!

До сих пор руины храма
не ответили нам прямо
кто ж их раскромсители:
кто “Майн кампф” как догму понял
или тот, кто в воздух поднял
храм Христа Спасителя?

Взрыв Успенского собора
стал вершиною террора
анонимных снайперов.
Многие, спастись пытаясь,
добровольно в Рейх подались
в ранге остарбайтеров.

Первых трудармейцев местных
проводила медь оркестров.
Позже – плач родителей
над девушками с парнями:
их облавой отправляли
в рабство принудительно.

Тех, кто болен был, не молод,
в Киеве замучил голод.
Бабушки и дедушки,
чтоб внучата не страдали,
даже фиксы распродали
за кусочки хлебушка.

Лишь на хлебзаводе в смену
голод не терзал спортсменов.
Мастера футбольные
довоенного “Динамо”
там зерно сносили в храмы –
в цехи мукомольные.

Дотемна с мячом возились
и беспечно согласились
от забот рассеяться:
истинным футбольным классом
с высшею арийской расой
силами померяться.

От футбола дилетантов
из отборных оккупантов,
впавших вдруг в ребячество,
в серии жестоких матчей
с суммою голов двузначной
разгромили начисто.

Вопреки благим советам,
над германцами победам
радовались в дерзости.
С поля стадиона – прямо
в Бабий Яр сошло “Динамо”,
где пропало без вести...

Мужеству его награда
донеслась из Сталинграда.
Волжское давление
штормовым девятым валом
Гитлера напор прервало
контрнаступлением.

“Тэ-тридцать четверок” сила
Фюреру хребет сломила
Курскою оглоблею,
а десант Новороссийский
замаячил тле нацистской
надписью надгробною.

Красной армии лавина
очищала Украину.
В сорок третьем к осени
огненно-стальной крицей
орды сломленных арийцев
до Днепра отбросили.

С хода взяв плацдарм Букрина,
на столицу Украины
в южном направлении
собирались двинуть силы
Ставки армии светила
в мощном наступлении.

Как упорно ни сражались,
под Триполье не прорвались.
В скрытности намерений,
за Днепром кулак ударный
перебросили к плацдарму
к Лютежу, что северней.

Фронт, с упорством исполинским
(ставший Первым Украинским
во главе с Ватутиным),
ринулся за Киев биться,
искромсав редуты фрицев
огневым шпицрутеном.

С бомбами на штурм днепровский
в воздух рой поднял Красовский
“ЯКов” и “ИЛюшиных”.
Корольков на берег правый
обеспечил переправу
пушками с “катюшами”.

С севера в броске победном
сквозь туман с дождем и ветром
местностью лесистой
рвался, проявив сноровку,
на Подол и Куреневку
Уманский с танкистами.

С линии Ново-Петровской
Москаленко, Черняховский
с боем были брошены
поймой Ирпenea болотной
самоходкою пехотной
западной Святошино.

Им в лесу Пущи-Водицы,
полагая отличиться
в будущем под Прагою,
помогали ладить броды
чехи Людвиг Свободы
Первою бригадою.

Прямо через степь и балки
танки армии Рыбалко
с включенными фарами,
с ревунами, поздно ночью,
неприступный “вал восточный”
размели ударами.

В наступательном прибое
каждый метр давался с боем.
Киева околицы
на могильники богаты,
где советские солдаты
вечным сном покоятся.

Немцы с техникой, с вещами
в злобе Киев очищали
под дугой опасною,
свастики свернув в знаменах,
в отступающих колоннах
трассой Конче-Заспною.

Штаба центр политсоветный
срочно сдать отчет победный
принял резолюцию,
чтобы сам товарищ Сталин
фронт поднял на пьедестале
в праздник революции.

Данное сдержали слово.
Утром ноября шестого
в предпраздничье штилевым
штурмовые батальоны
ярко-красные знамена
подняли над Киевом.

Центр столицы Украины
представлял собой руины –
хаос балок скрученных.
Не успел террор здесь высечь
лишь всего сто двадцать тысяч
жителей измученных.

На Сырце в земельной толще
насчитали много больше
жертв фашистов бешеных.
Упокоить прах их бранный
мог ли вид десятка пленных,
в Киеве повешенных?

Воины страдальцев наших
накормили сытной кашей
из котла обозного
и ушли вперед на Запад
под салютные раскаты
наступленья грозного.

Из окрестных сел, из тыла
тяга к жизни возвратила
киевлян, от голода
после двух годов мытарства,
восстанавливать хозяйство
вымершего города.

Улиц разобрал завалы,
коммуналки и подвалы
заселяли тесные,
производство возрождали,
голос Левитана ждали
манною небесною.

В сводках и политбеседах
сообщалось о победах
над врагами лютыми.
А падение Берлина
всколыхнуло Украину
праздником с салютами!!!

